

дорога русской истории способна ее исказить и уничтожить, но люди даже в неволе находят возможность быть свободными и творить добро. Простые люди, носители народной нравственности, пронесут через испытания свою душу чистой, они терпеливы и трудолюбивы, не участвуют во зле, оставаясь внутренне свободным в обстановке несвободы, сохраняя свое имя и родину.

Примечания

- 1 Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге». Из Дневников 1931–1952 гг. // Наше наследие. 1990. № 2. С. 81.
- 2 Пришвин М., Пришвина В. Мы с тобой : Дневник любви / подгот. текста и коммент. Л. Рязановой. М., 1996. С. 346.
- 3 Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге». С. 74.
- 4 Там же. С. 35.
- 5 Там же. С. 79–80.
- 6 Там же. С. 74.
- 7 Волков О. В. Погружение во тьму : Из пережитого. М., 1989. С. 168.
- 8 Солженицын А. Один день Ивана Денисовича // Солженицын А. Собр. соч. : в 30 т. Т. 1. Рассказы и крохотки. М., 2006. С. 48. Далее ссылки в тексте даются на это издание с указанием страниц в скобках.
- 9 Архив В. Д. Пришвиной. Дневник М. М. Пришвина. Запись от 23.11.1941.

- 10 Там же. Запись от 14.01.1951.
- 11 Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге». С. 68.
- 12 Там же. С. 67.
- 13 Пришвин М. Осударева дорога // Пришвин М. Собр. соч. : в 8 т. Т. 6. М., 1984. С. 61.
- 14 Там же. С. 55, 70, 111, 62.
- 15 Там же. С. 66.
- 16 Архив В. Д. Пришвиной. Дневник М. М. Пришвина. Запись от 01.09.1943.
- 17 Пришвин М. В краю непуганых птиц : онего-беломорский край. М. ; Л., 1934. С. 47–48.
- 18 Пришвин М. Осударева дорога. С. 99.
- 19 Там же. С. 6.
- 20 Там же. С. 8.
- 21 Там же. С. 40.
- 22 Там же. С. 98, 191.
- 23 Там же. С. 62, 109.
- 24 Там же. С. 105.
- 25 Варламов А. Пришвин. М., 2003. С. 391.
- 26 Пришвин М. Осударева дорога. С. 103, 107.
- 27 Там же. С. 65, 112.
- 28 Там же. С. 95.
- 29 Там же. С. 108, 111.
- 30 Там же. С. 109.
- 31 Там же. С. 105.
- 32 Там же. С. 145, 121.

УДК 821.161.1.09+929 [Солженицын+Угримов]

А. А. УГРИМОВ – КРИТИК ПЕРВОГО И ВТОРОГО ВАРИАНТОВ «НОБЕЛЕВСКОЙ ЛЕКЦИИ» А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье автор обращается к изучению малоизвестной страницы в жизни и творчестве А. И. Солженицына, связанной с критикой первого и второго вариантов текста его «Нобелевской лекции», с которой, по просьбе писателя, выступил его сподвижник и друг А. А. Угримов.

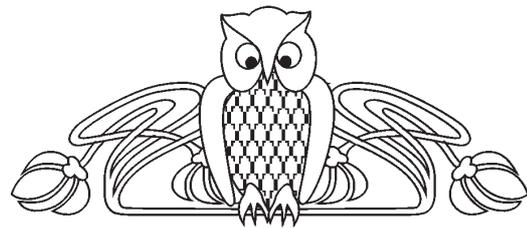
Ключевые слова: А. И. Солженицын, «Нобелевская лекция», критика, А. А. Угримов.

A. A. Ugrimov – the Critic of the First and Second Version of the «Nobel Lecture» of A. I. Solzhenitsyn

Yu. V. Varfolomeev

In the article the author addresses an unknown page in the life and oeuvre of A. I. Solzhenitsyn associated with the criticism of the first and second versions of the text of his «Nobel lecture», which, at the request of the writer, was made by his associate and friend A. A. Ugrimov.

Key words: A. I. Solzhenitsyn, critic, «Nobel Lecture», A. A. Ugrimov.

Нобелевская премия А. И. Солженицына является, безусловно, важным фактом биографии писателя. Официальная формула Нобелевского комитета, обосновывавшая присуждение ему премии, акцентировала внимание на этической доминанте его творчества, подчеркивая, что Солженицын удостоен этой высокой награды «за нравственную силу, с которой он продолжил традиции, присущие русской литературе». Писатель ждал и призывал эту премию, буквально «задумывал, вырывал у будущего», но она, по его признанию, «свалилась, как снегом весёлым на голову!»¹

На протяжении многих лет к истории создания и содержанию «Нобелевской лекции» прикован неослабевающий интерес ученых. И это не случайно, так как в ней сконцентрированы жизненная позиция и система взглядов писателя на литературу и искусство, роль, значение и ответственность в этом мире писателей и ученых. «Нобелиане» Солженицына посвятили свои работы Ю. Г. Гущин, А. Ю. Мусихина, А. В. Островский,

А. Г. Степанов, которые предприняли ее анализ в литературоведческом, проблемно-тематическом и жанрово-стилистическом аспектах². Вместе с тем по-прежнему заслуживает внимания изучение обстоятельств и процесса написания Солженицыным текста «Нобелевской лекции».

Несмотря на ту радость, которую испытал писатель, узнав о присуждении Нобелевской премии, долгожданная новость «пришла, как в том анекдоте с Хемингуэем, – иронично вспоминал Солженицын, – от романа отвлекла, как раз две недельки мне и не хватило для окончания “Августа”!»³ Писателю необходимо было отвлечься от романа, чтобы приступить к написанию Нобелевской лекции. Изначально она «рисовалась мне колокольной, очистительной, – вспоминал Солженицын, – в ней и был главный смысл, зачем премию получать»⁴. Однако, по его собственному признанию, «получалось нечто, трудно осиливаемое. Рассуждать о природе литературы или возможностях ее – скучная, тягостная для меня вторичность: что могу – то лучше покажу, чего не осилю – о том и не рассуждаю»⁵.

Это побудило писателя направить письмо в Нобелевский фонд, в котором он все объяснил как есть, честно: почему решил от лекции отказаться. «Лично я обнаружил, что не смогу удержаться в рамках специфически литературных, – писал он, – суждения о литературе сегодняшнего дня для меня невозможны в отрыве от суждений социальных и политических; большим (и, вероятно, неплодотворным) усилием будет для меня удержать себя в узде, говорить о природе искусства или природе красоты и избежать современного состояния жизни на Востоке и Западе, не затронуть тех вопросов, которые горят в душе»⁶. Шведская академия с пониманием отнеслась к этому шагу писателя, тем более что таким образом удавалось хоть как-то приглушить нездоровый политический ажиотаж, связанный с присуждением Нобелевской премии опальному в СССР писателю.

Между тем Солженицын все-таки вернулся к написанию «Нобелевской лекции», правда, точную дату здесь определить трудно. «Можно лишь отметить, – уточняет А. В. Островский, – что тем катализатором, который заставил Шведскую академию снова вспомнить о нем (Солженицыне. – Ю. В.), стали воспоминания Пера Хегге, опубликованные в сентябре 1971 г. В них он обвинил шведское посольство в Москве в том, что в 1970 г. оно вместе с Советским правительством сорвало вручение А. И. Солженицыну диплома лауреата Нобелевской премии, так как это, оказывается, можно было сделать в Москве»⁷. Правда, этот момент совпал с очередным творческим подъемом писателя – он только что вошел в работу над «Октябрем 16-го». «Только бы работать, – с нескрываемым сожалением констатирует Александр Исаевич, – так нет, опять зашумела нобелиана»⁸.

Теперь, когда вопрос с церемонией вручения премии в принципе был решен, Солженицыну

необходимо было, прежде всего, подготовить «Нобелевскую лекцию». Однако на «шум нобелианы», отвлекший писателя от творчества, наложилось еще несколько событий. В ночь с 17 на 18 декабря 1971 г. умер А. Т. Твардовский. Простившись со своим литературным отцом, Александр Исаевич вновь уже было вернулся к написанию текста лекции, как вдруг на Рождество (6 января 1972 г.) услышал по зарубежному радио обращение патриарха Пимена к русской эмиграции с призывом воспитывать своих детей с верой в Бога. Под влиянием этого Солженицын не удержался, чтобы не написать Великопостное письмо к Всероссийскому Патриарху⁹. Кроме этих событий от написания лекции Солженицына также отвлекали обсуждение с друзьями церемонии вручения диплома лауреата Нобелевской премии и подготовка к изданию «Архипелага». Тем не менее именно в конце 1971 – начале 1972 г., по мнению А. В. Островского, и была написана «Нобелевская лекция»¹⁰.

Между тем подготовка текста лекции давалась писателю нелегко. «Посилился я соединить тему общества и тему искусства – всё равно не получилось, два многогнутых стержня, отделяются, распадаются. И пробные близкие подтвердили – не то»¹¹. Так кто же эти таинственные – «пробные близкие», которые высказали свои критические замечания талантливому и неординарному нобелиату? Судя по всему, одним из таких «пробных близких», – критиком первого, а затем и второго вариантов «Нобелевской лекции» А. И. Солженицына, был Александр Александрович Угримов – человек сложной и драматичной судьбы, познакомившийся с Александром Исаевичем в 1966 г.¹²

Почему выбор пал именно на него? А. А. Угримов – дворянин, семья которого после Октябрьского переворота потеряла все свое имущество и вынуждена была покинуть родину. Скаут, увлекшийся идеями борьбы за справедливость. Пассажира «философского» парохода 1922 г. Берлинский студент, ставший, как и отец, дипломированным агрономом, наладившим высокотехнологичное мельничное производство во Франции. Младоросс, увлеченный идеями социального и политического переустройства России. Герой Французского сопротивления, получивший награду от генерала Эйзенхауэра и высланный из Франции в 1947 г. Патриот России, оказавшийся в Лефортовской тюрьме, а затем – зэк, проработавший 8 лет на Воркутинской шахте. С 1966 г. – друг, оппонент и тайный помощник А. И. Солженицына. Участник автомобильного вояжа с Солженицыным на юг в августе 1971 г. «Невидимка» солженицынской «армии теней». «Ответственный Хранитель» – один из тех, кто тайно хранил архив писателя, помогал Александру Исаевичу переправлять «Архипелаг ГУЛАГ» на Запад, а также подбирал надежных «кротов», которые соглашались держать у себя рукописный и самиздатовский «динамит» Солженицына. Сво-

бодный человек в несвободной стране. Человек, уважающий чужое мнение, никому не навязывающий своего и в то же время всеми возможными способами его отстаивающий¹³.

По просьбе Солженицына Угримов ознакомился с первым и вторым вариантами проекта «Нобелевской лекции» и высказал свои критические замечания. С благодарностью откликнувшись на просьбу писателя, ценя высокое доверие и внимание, которое тот ему оказал, Александр Александрович осознавал и огромную ответственность, свалившуюся на него. «Поэтому мне приходится мобилизовать все свои умственные и душевные силы, тем более что высказать все, что я думаю и чувствую, мне нелегко, – признавался он Солженицыну. – При этом я заранее взял под строгий контроль и боязнь, и проявление мещанского благоразумия, которые могут во мне проявиться. Я полагаю, что я им слово не дам. То, что Вы услышите от меня, несомненно, Вас огорчит. Но все это огорчает и меня. Нет у меня другого выхода, как Вам все откровенно и прямо сказать»¹⁴. Думается, что выбор Александра Исаевича пал на него в соответствии именно с теми критериями, которые сам Угримов и озвучил: «...берите критиков позлее, поэрудированнее, поумнее, и не тех, конечно, кто смотрит на Вас слишком восторженно <...> хвалить Вас сейчас каждому легко, а вот ругать трудно. Всякий задумается три раза: а как бы не обидеть? а как бы не оскорбить?» (619). И рецензия, действительно получилась умная, без хвалебной патетики, острая и отчасти даже обидная и злая.

Прежде всего, Угримов подверг критике пессимистическую концепцию, избранную, по его мнению, Солженицыным и заключающуюся в том, что отсутствие «нравственного начала в обществе со времени конца средневековья (Возрождения) и “прогресс” довели человечество до ожидания неминуемой планетарной катастрофы. Эта идея выражает Ваше мировоззрение и мироощущение, и вопрос заключается в том, как именно ее выразить» (610). В контексте критических замечаний становится понятно, что в первом варианте лекции Солженицын, как писатель, в поисках выхода из этого тупика призывал общество к нравственному перерождению (раскаянию). Однако Угримов, обращаясь к писателю, настаивает: «Но пессимизм Ваш глубок, и нет в Вас самой веры в практическое осуществление такого духовного переворота; и, может быть, поэтому нет и нужной силы в Вашем призыве» (610). В окончательном варианте лекции мы видим, что Солженицын основывает свои историософские и политические взгляды на христианском мировоззрении, а «о российской катастрофе, обернувшейся забвением национальных традиций, он говорит как о проявлении мирового духовного кризиса и проблемы русской жизни возводит в ранг общечеловеческих»¹⁵.

Вместе с тем Угримов, долгие годы проживший за границей, аргументированно считал, что

призыв к раскаянию, перерождению, на котором изначально настаивал Солженицын, «может быть “новым” только у нас, а никак не там, где голоса религиозного и нравственного сознания, включая голос Церкви, могут быть свободно услышаны всеми» (610). При этом Александр Александрович, не желая обидеть писателя, со знанием дела поясняет, что в изложении его идей о безнравственном обществе, современной политике, цивилизации, особенно в применении к западному миру, разительнее выступает неосведомленность, которая может быть воспринята как примитивизм и эклектизм. «Это объясняется, в основном, объективными и специфическими условиями нашего развития и существования в наглухо закрытом уже полвека обществе, что обусловило возникновение и Вашего замкнутого мира художника, – убеждает он Солженицына. – Вам приходится открывать и повторять то, что давно сказано и пересказано на разные лады и на Западе, и у нас до революции, и в эмиграции. Этим Вы обнаруживаете трагическое положение Вашего поколения – отсутствие информации и контакта, о котором Вы так хорошо сказали в своем обращении. Это может быть использовано против Вас. Вы поставите себя в невыгодное положение, ибо Ваши противники могут нащупать здесь Вашу ахиллесову пяту» (611).

И, пожалуй, самое серьезное замечание по этой части лекции заключалось в том, что во всем сказанном писателем была, по мнению Угримова, явная недоговоренность, которая лишала силы основную мысль лауреата, вносила путаницу в понятия религиозно-нравственные, с одной стороны, и общественно-моральные, с другой. «Эта недоговоренность, – обращался он к Солженицыну, – открывает широкое поле для всевозможных кривотолков, искажений и извращений Ваших воззрений и ставит Вас в невыгодное положение» (611). Очевидно высказанные замечания показали Александру Исаевичу убедительными, и в окончательном варианте лекции подобных рассуждений мы уже не встречаем.

Угримов еще раз напомнил Солженицыну, что от него хотят услышать голос русского писателя из подполья и, в частности, о его отношении к отечественной литературе, и если это ожидание не оправдывается, то неизбежно возникнет чувство неудовлетворенности и разочарования. При этом он еще раз подчеркнул, что речь нобелиата предназначена для интеллектуальной элиты всего мира, и поэтому следует тщательнее выбрать позицию и тон. «Наименее удачным тоном я считаю проповеднический и назидательный, – пояснял свою позицию Александр Александрович. – В него, пожалуй, не следует впадать, он вызывает раздражение. Укорять, поучать и наставлять – очень русское свойство, мало ценимое на Западе» (611). А наилучшей, самой сильной позицией, которую может избрать Солженицын, по мнению Угримова, является «писатель из подполья», осознавший ответственность за судьбы мира

перед лицом грозящей катастрофы. Если его речь не может быть вне политики, то она должно быть над политикой. Думается, что Александр Исаевич прислушался к этим доводам, и в окончательном варианте мы видим взволнованное, проникновение и одухотворенное обращение к миру «писателя из подполья».

Наряду с этими критическими замечаниями Угримов высказал несколько конструктивных суждений. Во-первых, ссылаясь на состоявшийся с писателем разговор, он соглашается с Александром Исаевичем в том, что главную тему нобелианы надо выразить формулой «мировая катастрофа и литература». «А раз уж “литература”, – уточняет Угримов, – то, видимо, Ваша речь должна быть литературой, о литературе и для литературы – по форме, по основной направленности и по содержанию. Вы должны в полной мере использовать дар слова, которым Вы гениально владеете» (612). И, пожалуй, главный концептуальный посыл адресованный нобелиату: «Хотелось бы снова увидеть у Вас тему “Давида и Голиафа”, тему “слово разрушает цемент”» (612). И, как мы видим, именно этот сюжет, правда, в несколько иной интерпретации, звучит квинтэссенцией «Нобелевской лекции» Солженицына: «Скажут нам: что ж может литература против безжалостного натиска открытого насилия? А: не забудем, что насилие не живет одно и не способно жить одно: оно непременно сплетено с ложью», и, наконец, – «ОДНО СЛОВО ПРАВДЫ ВЕСЬ МИР ПЕРЕТЯНЕТ»¹⁶.

Касаясь далее замечаний по тексту, А. А. Угримов еще раз критикует общий «тон» солженицынской лекции. По его мнению, «какой-то он неестественный, непривычный мне у Вас. Что-то в нем надуманное (фрак, что ли, неудобен?). Смущение и приниженность переходят подчас в высокомерие и даже в презрение» (612). При этом самые острые стрелы критики были обращены к фразе, позднее исчезнувшей из текста – «Со смущением и стыдом я протягиваю руки за вашей литературной наградой» (613). Александр Исаевич и сам, очевидно, понял, насколько приниженно она звучала.

В своем отзыве Угримов подчеркнул, что Солженицыным очень правильно отмечено, хотя, по его мнению, и не совсем внятно для западного понимания, что ни одной литературе в мире не пришлось так тяжело бороться с властью не только за свой народ, но и за собственное существование, причем с самого своего рождения, как русской. Однако нюансы сопоставления русской и западной литературы его, по собственному признанию, шокировали. Особенно неудачным ему показалось образное сравнение русской литературы с Золушкой. Александр Александрович справедливо заметил, что подобное сравнение может показаться обидным для Запада, так как, если вспомнить канву сказки, то сестры Золушки (в данном контексте – западная литература) были глупые и злые (613).

Судя по всему, в первом варианте лекции Солженицын рассуждал о нравственности власти и в ответ получил недоуменный вопрос Угримова: что означает нравственная власть? «Как Вы ее понимаете, – вопрошал он писателя, – какую форму Вы ей даете, что конкретно имеете в виду? Что такое нравственный авторитет, способный, на худой конец, замерить нравственную власть? Это настолько важно, что требует от Вас ответственного ответа. Вы его не даете даже приблизительно» (615). Однако одно дело говорить о нравственных основах общества, и совсем другое – советовать западным демократиям добавить в конституцию нравственную власть. Прислушавшись к этим критическим замечаниям и, очевидно, не найдя «ответственного ответа», Александр Исаевич исключил эти сентенции из текста своей лекции.

Вместе с тем Угримов выделил фрагмент лекции, посвященный проблеме, как ее обозначил Солженицын, «пресечения информации». «Все это хорошо и громко сказано, – поддержал писателя критик и даже посоветовал: – можно бы даже еще поддать жару» (615). И Александр Исаевич «поддал жару»: «Это люта опасность: пресечение информации между частями планеты. Современная наука знает, что пресечение информации есть путь энтропии, всеобщего разрушения. Пресечение информации делает призрачными международные подписи и договоры: внутри оглушенной зоны любой договор ничего не стоит перетолковать, а еще проще – забыть, он как бы и не существовал никогда (это Оруэлл прекрасно понял). Внутри оглушенной зоны живут как бы не жители Земли, а марсианский экспедиционный корпус, они толком ничего не знают об остальной Земле и готовы пойти топтать ее в святой уверенности, что “освобождают”»¹⁷, – читаем мы в окончательном варианте его «Нобелевской лекции».

В первом и втором вариантах солженицынской лекции, судя по критическим замечаниям Угримова, в качестве основной звучала тема гибели мира, и в ней даже содержалось обращение писателя: «Покайтесь, чтобы спасти цивилизацию». Однако критик обратил внимание на одно противоречие, содержащееся в этом апокалиптическом сюжете. По его мнению, слово писателя, конечно, новое, хотя и звучит по-евангельски, как древнее, всем известное. «Однако, по сути, оно совсем не евангельское, – утверждал Угримов (будучи человеком глубоко верующим), – а, может быть, и совсем наоборот, ибо Вы говорите о царстве земном, а не о Царствии Небесном» (615).

Александр Александрович считал, что моральное обновление общества может, видимо, произойти только через отдельные личности (к которым религия и обращается), а не наоборот, от общества к личности. «В таком аспекте мне понятна роль личности в нравственном росте общества, тем

более такой личности, как писатель, осознавший в себе ответственность за судьбу мира, – констатировал он, – Вы, как личность, как писатель, имеете возможность нравственно воздействовать только на личности, и через них на общество. Обращение к писателям всего мира – это в цель» (615–616). И с трибуны Стокгольмского концерт-холла 10 декабря 1974 г. весь мир услышал набатный призыв Солженицына: «Друзья! А попробуем пособить мы, если мы чего-нибудь стоим! В своих странах, раздираемых разногласиями партий, движений, каст и групп, кто же искони был силою не разъединяющей, но объединяющей? Таково по самой сути положение писателей: выразителей национального языка – главной скрепы нации, и самой земли, занимаемой народом, а в счастливом случае и национальной души»¹⁸.

Критические замечания Угримова, очевидно, повлияли на то, что Солженицын переработал текст лекции, и через некоторое время представил Александру Александровичу ее второй вариант. Отзыв на эту версию лекции был более кратким, причем от взора критика не ускользнуло то, что, по сути дела, с прошлого раза мало что изменилось. «Да и наивно, наверное, было думать, что может что-нибудь измениться, – размышлял Угримов. – Вы перестроили Ваши полки, некоторые убрали в резерв, другие выставили на передовую линию, видимо, более тщательно замаскировали где-то артиллерию, но знамена и лозунги в общем остались те же» (617). При этом Угримов еще раз подчеркнул: «...мы во многом не единомышленники. Видимо, Вы использовали мой прошлый материал главным образом для того, чтобы убрать все то, что я мог бы “укусить” – кажется, Вы так выразились» (617).

Угримов по-прежнему настаивал, что в таком назначении, как Нобелевская лекция по литературе, этот материал принципиально не может быть зачитан. За исключением, может быть, только нескольких страниц, а некоторые удачные формулировки и фразы могли бы быть использованы в совершенно другом тексте. Свою позицию он пояснял следующим образом: «Нобелевская премия Вам присуждена за литературу, и, кажется, с добавлением – за мужество, проявленное Вами, а вовсе не за те или иные Ваши убеждения, мнения, идеи в области политической, социальной, экономической и т. д., которые их принципиально не касаются, которые они не считают нужным ни в каких случаях, ни по отношению к Вам, ни по отношению к другим людям принимать в расчет. И в этом их принципиальная позиция. А их как раз обвиняют в том, что они пошли на поводу у каких-то политических сил» (618).

При этом Александр Александрович предостерегал Солженицына от того, что в результате может создаться определенное впечатление о том, что писатель воспользовался трибуной для того, чтобы высказать свои политические убеждения, мнения, суждения, критику как в

отношении советской системы, так и в отношении системы, существующей на Западе; что основной темой является не литература, и не русская литература и не литература вообще, и даже не писатель, а именно эти проблемы. «Вам следует ограничиться определенными рамками в пределах лекции действительно по литературе» (618), – убеждал он писателя.

Возможно, предвидя несогласие Солженицына с такой позицией, Угримов предупреждал друга: «Я заранее отмахнусь от Вашего возражения такого порядка: что же, Вы хотите, чтобы я прочел беззубую, ватой начиненную лекцию, чтобы я не сказал то, что мне жжет сердце? Нет, конечно, я этого не хочу. И полагаю, что и в определенных рамках можно так много сказать, а Вам – тем более, касаясь в то же время всего насущного, что о беззубости и ватности не может быть и речи». И, формулируя свою позицию, А. А. Угримов принципиально и жестко заявил: «Ну, а если Вы этого не захотите, не сочтете нужным, то мне по душе лучше никакой лекции, чем такая. <...> Так вот, Вам предстоит решить, быть или не быть этой лекции в таком виде» (618).

Очевидно, этот нелюбезный пассаж в критике единомышленника и заставил Александра Исаевича в первый момент отказаться от подготовки «Нобелевской лекции», о чем он и сообщил в Нобелевский комитет (см.: выше). Однако спустя несколько месяцев он все-таки возвращается к своей нобелиане, и, как мы видим, в окончательном варианте, нет той политической ангажированности, которую столь страстно критиковал Угримов. Это впоследствии признал и сам Солженицын: «В этот раз мне как-то удалось освободить лекцию от избытка публицистики и политики, стянуть её точнее вокруг искусства и, может быть, приблизиться к – ещё никем не определённого и никому не ясного – жанру нобелевской лекции по литературе»¹⁹. На эту жанрово-стилистическую особенность обратили внимание и ученые: «Таким образом, – считают Ю. Г. Гуцин и А. Ю. Мусихина, – “Нобелевская лекция” Солженицына по стилю – публицистическая речь, по типу текста – развернутое рассуждение, по жанру – аргументирующая (убеждающая) речь в сочетании с активными элементами агитирующей речи, призывающей к действиям»²⁰. По сути, к такому же выводу приходит и А. Г. Степанов: «Текст Солженицына соединил в себе черты художественного эссе, публицистической статьи и вероучительного трактата»²¹.

Резюмируя общее впечатление от лекции, Угримов приводил образное, но, по всей видимости, обидное для писателя сравнение его работы с классическими блюдами русской кухни – с винегретом или с окрошкой: «Попадаются и сочные питательные куски мяса, и свежая редиска, и многое другое, и даже песок, скрежещущий на зубах, и все это плавает в довольно традиционном русском квасе, – живописно представлял солженицынский

текст Угримов. – На этом квасе, что только не было замешано!» (619). Между тем в окончательном варианте инаугурационного текста от «окрошки» не остается и следа. О чертах русской традиционности свидетельствуют лишь любовно взращенные и посеянные писателем в тексте языковые зерна народной мудрости – он трижды приводит пословицы на страницах своей нобелианы.

Исследователи подмечают, что слово Солженицына теперь сближается по экспрессии с поэтическим словом. Его речь уже напоминает «язык богов», «жреческий язык поэзии». «Это – “изображающее слово”, – констатирует А. Г. Степанов. – Высокая риторичность текста и стилистическая осложненность рождает ощущение архаичного и одновременно провиденциального языка, предназначенного для выражения небытовой семантики. Солженицын создает текст очень высокой языковой плотности. Авторская мысль передается в “избыточной” художественной форме, которая не служит декоративным довеском логизированного рассуждения, а сама демонстрирует иррациональную, непредсказуемую сущность искусства»²². Говоря о поэтике «Нобелевской лекции», ученый отмечает, что Солженицын «с первых строк создает плотную фигуративную дискурсию. Текст наполняется развернутыми сравнениями и метафорами, риторическими вопросами, антитезами, инверсиями, повторами, создающими коннотативные пучки в семантическом варьировании мысли»²³.

Завершая спор с писателем, Угримов пишет: «Простите, что из напильника, которым я, видимо, должен быть, я превратился в терку» (619). Но, думается, благодаря в том числе и этой «тёрке» великий писатель снял шероховатости и зацепы текста. «Ошеломленный культурный мир увидит, каким обожженным, каким обокраденным, каким даже растерянным вышел советский человек из горнила и вместе с тем с какой невероятной душевной, духовной силой, с каким удивительным, могучим талантом»²⁴. Именно с таким могучим талантом и пронзительным призывом жить не по лжи прозвучала на весь мир «Нобелевская лекция» Солженицына.

УДК 821.161.1.09+929 Шаламов

«ПРАВЕДНОЕ СЛОВО» БОРИСА ШЕРГИНА

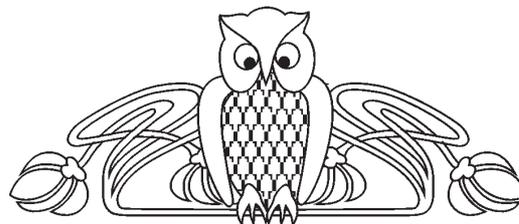
С. В. Кекова, Р. Р. Измайлов

Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова
E-mail: kekova@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности стиля дневников Б. В. Шергина, который сумел сохранить органический синтез живого народного, литературного и церковнославянского языков, позволяющий выявить подлинную «внутрен-

Примечания

- ¹ Солженицын А. Избранное. М., 1991. С. 67.
- ² См.: Гуцин Ю., Мусихина А. «Нобелевская лекция» А. И. Солженицына (История создания, проблемно-тематические и жанрово-стилистические особенности). URL://http://nobel-centre.com/page/9-konferenciya-sentyabr-27-29-2010 (дата обращения: 27.10.2013); Островский А. Прощание с мифом. М., 2006; Степанов А. Нобелевская лекция Солженицына и Бродского: к поэтике декларативного дискурса // Вестн. ТвГУ. Сер. : Филология (10). 2007. С. 122–129.
- ³ Солженицын А. Бодался телёнок с дубом: очерки литературной жизни. М., 1996. С. 68.
- ⁴ Там же. С. 71.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Солженицын А. Избранное. С. 339.
- ⁷ Островский А. Указ. соч. С. 249.
- ⁸ Солженицын А. Бодался телёнок с дубом. С. 69.
- ⁹ См.: Солженицын А. Всероссийскому Патриарху Пимену // Солженицын А. Публицистика: в 3 т. Т. 1. Ярославль, 1995. С. 133–137.
- ¹⁰ См.: Островский А. Указ. соч. С. 250.
- ¹¹ Солженицын А. Бодался телёнок с дубом. С. 71.
- ¹² Там же. С. 495.
- ¹³ Подробнее см.: Варфоломеев Ю. «Ответственный Хранитель»: А. А. Угримов – друг, оппонент и тайный помощник А. И. Солженицына // А. И. Солженицын и русская культура: сб. науч. тр. Вып. 3 / отв. ред. и сост. проф. Л. Е. Герасимова. Саратов, 2009. С. 71–76.
- ¹⁴ Угримов А. Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту. М., 2004. С. 617. Далее ссылки в тексте даются на это издание с указанием страниц в скобках.
- ¹⁵ Степанов А. Указ. соч. С. 125.
- ¹⁶ Солженицын А. Публицистика. Т.1. С. 15.
- ¹⁷ Там же. С. 14.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Солженицын А. Бодался телёнок с дубом. С. 75.
- ²⁰ Гуцин Ю., Мусихина А. Указ. соч.
- ²¹ Степанов А. Указ. соч. С. 127.
- ²² Там же. С. 127–128.
- ²³ Там же. С. 128.
- ²⁴ Там же.

нюю форму» русского самосознания, воплощённого в слове.
Ключевые слова: А. И. Солженицын, А. И. Иванов, Б. В. Шергин, праведное слово, синтез литературного, народного и церковно-славянского языков.